

СТАТЬИ И АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

С. АЛОЭ

ДОСТОЕВСКИЙ В ИТАЛЬЯНСКОЙ КРИТИКЕ

На сегодняшний день, и с давнего уже времени, роль Достоевского в итальянской культуре, бесспорно, велика. Это выражается в популярности его романов среди читателей и его известности как величайшего представителя русской литературы наряду с Л. Н. Толстым; а также в восприятии и изучении его произведений и мотивов писателями, и учеными (литературоведами, философами, педагогами и т. п.), которые под разными ракурсами анализируют различные аспекты его творчества. Благодаря присутствию некоторых констант в тенденциях этого восприятия, можно попытаться написать достаточно «ровную» историю достоевведения в Италии, при том что задача оказывается одновременно чрезвычайно сложной из-за большого разнообразия статей и монографий, их огромного числа и отсутствия настоящих «школ» изучения наследия русского писателя¹.

Полное признание гения Достоевского как писателя и мыслителя в итальянской культуре стало результатом сложного и продолжительного процесса, развитию которого препятствовали различные предрассудки, языковой барьер и недостаток знаний. Долго Достоевского-мыслителя противопоставляли Достоевскому-писателю (оценка смещалась исключительно в пользу первого упомянутого качества писателя), и не раз утверждалась чуждость русского романиста «духу» итальянской цивилизации, наследницы — по мнению многих представителей ее культуры вплоть до середины XX в. — античной эстетики в культе красивых форм и их гармонического соответствия содержанию. Характерна, например, пренебрежительная оценка творчества Достоевского

¹ Библиографию литературы о Достоевском, изданной в Италии до 1983 г., см.: *Dal Santo L. Saggio di bibliografia italiana su Dostoevskij // Dani A. Studi in onore di Federico M. Mistrorigo. Vicenza, 1958. P. 377–403; D' Ajetti B. Bibliografia su Dostoevskij // Quaderni dell' Istituto di Lingue. Facoltà di Economia e Commercio. Università di Messina. 1983. Anno II, N 1. P. 1–76.* После 1983 г. библиография специальными публикациями не обновлена, а саму историю итальянского достоевведения начали изучать недавно: см.: *Adamo S. Dostoevskij in Italia: Il dibattito sulle riviste (1869–1945). Udine, 1998; Оливьери К. Достоевский в Италии. Столетие критической мысли // Достоевский и XX век. М., 2007. Т. 2. С. 553–566.*

и русских романистов вообще со стороны великого критика и философа Бенедетто Кроче (Benedetto Croce), мнение которого десятилетиями доминировало в итальянской эстетической мысли². В итальянскую литературу темы и художественные приемы Достоевского проникали с большим трудом, чем в литературу других европейских стран; но в конечном счете творчество Достоевского стало и в Италии неотъемлемым культурным достоянием и глубоко повлияло на ее литературу и на философское мышление³.

Имя Достоевского впервые упоминается в Италии в 1869 г., когда в журнале «*Rivista contemporanea*» была опубликована статья «Достоевский и его произведения» с переводом маленького отрывка из романа «Преступление и наказание»⁴. До сих пор не удалось установить ее авторство — она подписана *М.А...ff*. И статья, и перевод связаны с редактором журнала, известным итальянским литературоведом, фольклористом и эрудитом графом Анджело де Губернатисом (Angelo de Gubernatis), который при помощи русской жены, С. П. Безобразовой, одним из первых в Италии раскрывал в те годы сокровища русской литературы⁵.

Еще задолго до выхода в свет в Париже в 1886 г. знаменитой книги Э.-М. де Вогюэ (E.-M. de Vogüé) «*Le roman russe*», в которой высоко оценивается русская литература, де Губернатис посвятил Достоевскому несколько журнальных статей и заметок, впрочем, не получивших серьезных откликов в итальянской литературной среде⁶. Только благодаря авторитету Вогюэ в Италии были изданы первые переводы произведений Достоевского, и то сделанные с франкоязычных источников. Это были «Записки из Мертвого дома» (1887); «Преступление и наказание» (1889); «Неточка Незванова» (1890); «Бедные люди» (1891)

² Ср. *Adamo S. Dostoevskij in Italia: Il dibattito sulle riviste (1869–1945)*. Udine, 1998. P. 89.

³ О значении Достоевского для литературы Италии и в целом для ее культуры см.: *Guarnieri Ortolani A. Saggio sulla fortuna di Dostoevskij in Italia*. Padova, 1947; *De Michelis E. Dostoevskij nella letteratura italiana // Lettere italiane*. 1972. Anno XXIV, N 2. P. 177–201; *De Michelis E. Dostoevskij nella cultura italiana // Dostoevskij nella coscienza d'oggi*. Firenze, 1981. P. 163–196; *Потанова З. М. Русско-итальянские связи: вторая половина XIX века*. М., 1973. С. 227–232; *Колущи М. Достоевский и итальянская культура // Dostojevskij und die Literatur*. Köln; Wien, 1983. S. 421–434; *Володина И. П. Достоевский и итальянская литература // Достоевский в зарубежных литературах*. Л., 1978. С. 5–36; *Володина И. П. Достоевский и итальянский роман конца XIX — начала XX века // Пути развития итальянского романа (вторая половина XIX — нач. XX в.)*. Л., 1980; *Adamo S. Dostoevskij in Italia: Il dibattito sulle riviste (1869–1945)*. Udine, 1998.

⁴ *A...ff M. Nostra corrispondenza letteraria: Dasztaievsky e le sue opere // Rivista contemporanea*. 1869. Agosto. P. 271–277; *Dasztaievsky T. Delitto ed espiazione // Ibid*. P. 278–287.

⁵ См. *Потанова З. М. Русско-итальянские связи. Вторая половина XIX века*. М.: Наука, 1973. С. 227–232; *Алоэ С. Первые этапы знакомства с Ф. М. Достоевским в Италии // Достоевский и мировая культура*. 2001. №15. С. 141–155.

⁶ Там же.

и др.⁷ В отсутствие ученых и критиков, способных читать произведения в оригинале, восприятие русской литературы, в том числе и творчества Достоевского, сформировалось в Италии под сильным влиянием ее односторонней интерпретации со стороны Вогюэ.

Итальянские читатели приняли Достоевского за своеобразного беллетриста, автора мрачных романов, населенных уродливыми, больными, чрезмерно эмоциональными героями, в то время как журнальные критики, следуя своим французским коллегам, отзывалась укоризненно о неопрятности стиля писателя, отсутствии меры и пропорций, неискрушенном воображении и неискрушенном построении Достоевским сюжетов своих произведений. Закоренелый консерватизм и провинциальность итальянской культуры, не готовой к новым формам повествования, усугубили неприятие творчества Достоевского итальянцами. В журналах той эпохи часто встречается противопоставление природно-хаотичного стиля Достоевского, выражающего молодую и еще стихийную культуру России, классическому («латинскому») и гармоничному «среднеземноморскому» строю итальянской литературы. Тем не менее популярность Достоевского росла стремительно, и не все отзывы о его произведениях были отрицательными. Но, что характерно, даже энтузиасты, страстно отдавшиеся популяризации русского писателя, не отличались глубоким пониманием его творчества и мира его героев.

Примером тому может служить один из первых итальянских переводчиков с русского, публицист и писатель Доменико Чамполи (Domenico Ciampoli), который по возвращении из России в 1893 г. опубликовал в еженедельнике «Воскресный Фанфулла» («Fanfulla della Domenica») свои путевые заметки под названием «У могилы Достоевского» («Alla tomba di Dostoevskij»), в которых собраны, пожалуй, все возможные банальности, связанные в те годы с именем писателя: «Сердце сестры милосердия и дух Великого инквизитора, философ, апостол, полумный, утешитель страждущих и палач мирных душ, Иеремия тюрьмы, Шекспир сумасшедшего дома»⁸. Чамполи был, вероятно, первым итальянцем, который посетил не только могилу, но и дом в Кузнечном переулке, где Достоевский умер (в квартире, где жил писатель, Чамполи нашел нового жильца, обычного портного, которому имя Достоевского было совершенно неизвестно)⁹. Смесь восторга с непрофессионализмом была отличительной чертой Чамполи, у которого и знание русского языка было далеко не идеальным; тем не менее его заслуги в началь-

⁷ См.: *De Michelis C. G. Russia e Italia // Storia della civiltà letteraria russa / A cura di M. Colucci, R. Picchio. Torino, 1997. P. 689–709.*

⁸ *Viator [Ciampoli D.] Ricordi di Russia: alla tomba di Dostoevskij // Fanfulla della Domenica. 1893. 19 febbraio. (Перевзд.: Ciampoli D. Saggi critici di letterature straniere. Lanciano, 1904. P. 190.)*

⁹ См.: *Adamo S. Dostoevskij in Italia: Il dibattito sulle riviste (1869–1945). Udine, 1998. P. 47; ср. также Попова З. М. Русско-итальянские связи. Вторая половина XIX века. М.: Наука, 1973. С. 232.*

ной фазе истории восприятия русской литературы в Италии, в том числе в популяризации творчества Достоевского, несомненны.

Долго итальянская критика увлекалась «русской экзотикой» и очарованием «ужасного» и «безобразного» и не могла избавиться от своих схем восприятия, хотя неординарность и поразительное новшество произведений Достоевского признавались все чаще. Не случайно первые примеры заимствования мотивов Достоевского в итальянской литературе касаются именно поверхностного созвучия ситуаций, охарактеризованных экстремальностью чувств, угрызениями совести героев, преступивших дозволенные границы, болезненным состоянием душ: такого рода заимствования можно найти, например, в творчестве Л. Капуаны (L. Capuana) и Г. Деледды (G. Deledda)¹⁰. Проникновение сюжетов и мотивов произведений Достоевского (в основном «Преступления и наказания» и «Кроткой») в итальянскую литературу рубежа XIX–XX вв. было настолько стремительным, насколько оставалась непонятной и непринятой его поэтика.

Самым первым в Италии уловил актуальность русского писателя молодой еще Г. Д'Аннунцио (G. D'Annunzio)¹¹. В начале 1890-х гг. он публикует романы «Джованни Эпископо» («Giovanni Episcopo», 1891) и «Невинная жертва» («L'innocente», 1892), в которых видно сильное влияние Достоевского. В коротком романе «Джованни Эпископо» текстуральные совпадения с «Кроткой» были настолько ясны, что их сразу заметил Капуана. Последовали жесткие дискуссии за и против Д'Аннунцио, которого некоторые критики стали прямо обвинять в плагиате. Достоевский тогда впервые оказался в центре внимания итальянской критики, но настоящей мишенью были эгоцентризм Д'Аннунцио и его спорная популярность¹². Надо признать безошибочную интуицию Д'Аннунцио и его способность воспринимать произведения Достоевского на новом уровне, противопоставляя русского писателя наследни-

¹⁰ Ср. Колуччи М. Достоевский и итальянская культура // Dostojevskij und die Literatur. Köln; Wien, 1983; Володина И. П. Проблема преступления и наказания в итальянской литературе на рубеже XIX–XX вв. // Вестник ЛГУ. Сер. 2. 1990. Вып. 1. С. 32–39; Володина И. П. Грация Деледда и Достоевский (к искуплению) // Литература в контексте культуры. Сер. Проблемы зарубежных литератур. 1999. Вып. 5. С. 217–224.

¹¹ См.: Paratore E. D'Annunzio e il romanzo russo // Nuovi studi dannunziani. Pescara, 1991. P. 150–168; De Michelis C. G. D'Annunzio, la Russia, i paesi slavi // D'Annunzio europeo. Atti del convegno internazionale: Gardone Riviera — Perugia, 8–13 maggio 1989. A cura di P. Gibellini. Roma, 1991. P. 317–327.

¹² Впрочем, обвинения в плагиате были необоснованными: в «Джованни Эпископо» Д'Аннунцио ведет своеобразную переработку тем и нюансов, взятых из трех-четырех произведений Достоевского, и кое-где доходит до перефразирования, если не до явной цитаты; но результат по сути имеет мало общего с поэтикой Достоевского, которой чужд виртуозный эстетизм Д'Аннунцио и его подчеркивание исключительно сенсальной стороны психологии героев. Чутье Д'Аннунцио, предугадавшего ключевые пути развития прозы, проявленные в творчестве Достоевского, стоит значительно выше конкретной реализации его замыслов в дух романов (ср. De Michelis E. Dostoevskij nella cultura italiana // Dostojevskij nella coscienza d'oggi. Firenze, 1981. P. 168–175).

кам итальянского «веризма» и французского «натурализма»: Достоевскому — «русскому Золя» (как часто называла его критика) Д'Аннунцио противопоставил Достоевского — предшественника символизма. Таким образом, Д'Аннунцио перевернул полюс натуралистического и позитивистского восприятия творчества Достоевского, и иррациональные, болезненно-сенсуальные («декадансные»), метафизические черты из отрицательных стали положительными, способствующими переоценке произведений русского писателя. Но подобная переоценка, вскоре получившая популярность в связи с зарождением декаданса и символизма в России и во всей Европе, в Италии не получила особого распространения, несмотря на то что с начала XX в. в итальянской культуре появляются признаки приближения к общеевропейским тенденциям благодаря деятельности новых литературных журналов и появлению таких передовых личностей, как Бенедетто Кроче и Луиджи Пиранделло. Произведения Достоевского в этот период переводят всё больше, часто уже с подлинников, о нем пишут журнальные статьи. Если оценка Достоевского-художника остается в основном отрицательной, то растет внимание к Достоевскому-мыслителю, «политику». Это проявляется в подчеркивании метафизических сторон творчества писателя, переводах его публицистики, обзорах-эссе Мережковского и, позже, Шестова (сделанных по французским и немецким переводам), встречающихся в печати. Влияние немецкой критики уже преобладает над влиянием французской. Зачастую неверное представление о философской и «мистической» стороне личности писателя становится признаком «русскости», в основном под знаком отрицания. Кроче с намеком на Достоевского говорит о «религиозном романтизме русских», Дж. Преццолини (G. Prezzolini) в журнале «Голос» («La Voce», 1912) угадывает в еще «первобытном» понимании зла у героев Достоевского основной эстетический элемент русской литературы в целом, а публикующиеся на страницах того же журнала Дж. Папини (G. Papini) и А. Соффичи (A. Soffici) подпадают под обаяние «антилитературного» и «антиэстетического», по их мнению, гения Достоевского, которого хотя и оценивают негативно, но при этом стараются раскрыть суть его уникальности¹³. Относительно положительную и оригинальную оценку дает в журнале «Трибуна» («La Tribuna», 1912) критик Чекки (E. Cecchi), который в Достоевском видит толкователя «чувства духовной неиссякаемости факта жизни» и писателя, сумевшего преодолеть духовный раскол Данте, Шекспира и Гёте, составившая новое внутреннее единство во имя страданий Христовых¹⁴.

¹³ Подробнее см.: *Adamo S. Dostoevskij in Italia: Il dibattito sulle riviste (1869–1945)*. Udine, 1998. P. 72–73. Скрытое влияние Достоевского на ключевое произведение Папини «История Христа» («Storia di Cristo», 1921) было замечено Р. Казари: *Casari R. Papini e Dostoevskij. Riflessioni in margine all'epistolario G. Papini — O. Resnevič Signorelli // Quaderni del dipartimento di linguistica e letterature comparate*. Bergamo, 1988. P. 54.

¹⁴ Ср. *Adamo S. Dostoevskij in Italia: Il dibattito sulle riviste (1869–1945)*. Udine, 1998. P. 76.

Нравственные, философские и психологические мотивы творчества Достоевского «приглашали к спору» итальянских литераторов, тщетно пытавшихся найти ему место в общепризнанной в Италии культурной системе. Зато целый ряд существенных параллелей связывает с творческими концепциями Достоевского двух самых выдающихся и современных итальянских писателей первой половины XX в. — Луиджи Пиранделло и Итало Звево (Italo Svevo)¹⁵.

Препятствовало преодолению предубеждений и беспристрастному признанию гения Достоевского также и то, что в первое двадцатилетие XX в. жанр романа в Италии уступал в престижности элитарным, эстетизированным поэтическим жанрам. Это одна из причин, объясняющих множество нападок на искусство Достоевского со стороны личностей первой величины в тогдашней Италии: творчество русского романиста называли верхом антипоэзии, обвиняя писателя в недопустимой небрежности в форме и в том, что в его произведениях философские и социальные элементы преобладают над эстетическими. А. Соффичи в журнале «Голос», определявшем в те годы главное направление развития итальянской литературы, заявил, что «Достоевский чувствовал и сочинял с невероятной силой, но излагал свои идеи плохо. Он писал бедным и небрежным языком. Не было у него ни ощущения, ни вкуса, ни соблюдения живопишущего и гармоничного слова, которому единственному дано оживлять вовеки видения фантазии»¹⁶.

Достоевский, несомненно, был интересен Соффичи, но только в качестве образцового представителя своего народа, мощного и в то же время хаотичного в своей деятельности, преданного мистицизму и отдаленного от цивилизации. Достоевский признавался великим в плане выражения этой стихийности, его герои поражали своими патологиями.

Еще дальше пошел поэт Дж. Унгаретти (G. Ungaretti), который в 1922 г. посвятил русскому писателю статью, показывающую фактическую неосведомленность и некомпетентность суждений тогдашней итальянской критики. Поэт видел в произведениях Достоевского «безмерную смесь невинности и безумия», туманность и избыточность — те качества, которые, по его мнению, несовместимы с красотой — единственным источником искусства. «Если бы Достоевский был французом, он был бы в лучшем случае каким-то Золя», — так с презрением писал Унгаретти¹⁷, один из лучших итальянских поэтов первой половины XX в. Однако и романисты Р. Баккелли (R. Bacchelli)

¹⁵ Ср. *De Michelis E.* Dostoevskij nella cultura italiana // *Dostoevskij nella coscienza d'oggi.* Firenze, 1981. P. 180–181; *Володина И. П.* Пиранделло и Достоевский // *Вестник МГУ.* Сер. 9: Филология. 1995. № 5. С. 75–83; *Adamo S.* La biblioteca russa di Svevo // *Aghios. Quaderni di studi sveviani.* 2004. N 4. P. 25–53.

¹⁶ *Soffici A.* Dostojewski // *La voce.* 1912. Anno IV, N 4. P. 743.

¹⁷ *Ungaretti G.* A proposito di un saggio su Dostojewski // *La Ronda.* 1922. Gennaio. Anno I. P. 68–69.

и К. Альваро (K. Alvaro) в тот момент выступали против Достоевского, ставшего чуть ни символом нарушения мнимой гармонии изолированного «царства красоты», с которым ассоциировалась для многих художественная литература Италии. Баккелли не полностью отвергал Достоевского, но противопоставлял ему Толстого, поэтике которого он подражал при создании эпического романа. Альваро критиковал и Достоевского, и Толстого за отсутствие европейского «платонического» понятия об искусстве и о его целях, притом он поставил себе задачей популяризацию творчества Достоевского и перевел «Бобок» и «Вечного мужа»¹⁸.

Судя по настороженным реакциям, творчество Достоевского подействовало на итальянскую культуру тех лет, как камень, брошенный в пруд. Несмотря на то что большинство суждений были отрицательными, шел важный процесс принятия творчества этого писателя, никак не вписывающегося в схемы итальянской словесности. Откровенному признанию литературного таланта Достоевского в Италии долго препятствовал ряд культурных предубеждений и недостаточное знакомство с его личностью и произведениями; но прежде всего «мешал» его своеобразный и неровный стиль повествования, часто «изуродованный» переводчиками.

Ситуация изменилась в 1920-е гг., когда критик П. Гобетти (P. Gobetti) первым в Италии увидел в Достоевском не политика, не мыслителя-пророка из чужой и отдаленной страны, а сознательного художника и великого трагика в самом классическом смысле этого слова. В ряде статей, опубликованных в 1921 г., Гобетти отвергал распространенное мнение о стилистической небрежности Достоевского и о преимущественно философском значении его произведений: «Никакой философии в Достоевском нет: он неспособен объективно интересоваться какой-либо теорией <...>. Его воображение было вихрем, но он умел им овладеть и распоряжаться. Тем не менее он никогда не смел писать, не признав первоначального дрожания — той нерешительности, которая дорога творцу, боязни того, чтобы выражение не вышло несоответствующим, настолько прижимала его внутри фантастическая материя. Он владел в совершенстве всеми литературными приемами, но был ими полностью недоволен»¹⁹.

Окончательная переоценка творчества Достоевского произошла не без помощи его анализа, проведенного Гобетти в 1920-х гг. Это были годы формирования итальянской славистики, создания первых кафедр русистики и издания специализированных журналов, на страницах которых нашло свое попрание первое поколение профессиональных лите-

¹⁸ См.: *De Michelis E.* Dostoevskij nella cultura italiana // *Dostoevskij nella coscienza d'oggi*. Firenze, 1981. P. 188–189.

¹⁹ *Gobetti P.* Paradosso dello spirito russo e altri scritti sulla letteratura russa. Torino, 1969. P. 97. (Впервые: *Gobetti P.* Dostoevskij classico // *Paradosso dello spirito russo*. Torino, 1926.)

ратуроведов, уже в совершенстве владеющих русским языком и глубоко знающих русскую культуру и литературу, в первую очередь Э. Ло Гатто (E. Lo Gatto)²⁰, Э. Гаспарини (E. Gasparini)²¹, Э. Дамиани (E. Damiani), В. Джусти (V. Giusti), Л. Я. Гинзбург. Эти ученые посвятили Достоевскому целый ряд проницательных статей и монографий, ценных и в плане ознакомления итальянской интеллигенции с русскими и европейскими исследованиями о великом писателе, и в плане вписывания его творчества в контекст итальянской культуры. В то время как развивалась научная деятельность этих первых достоевцев, фундаментальную роль в широком распространении произведений русского писателя сыграло созданное А. Полледро (A. Polledro) в 1926 г. издательство «Славия» («Slavia»), существовавшее до 1934 г. В нем публиковались произведения русской и других славянских литератур в качественных переводах, сделанных непосредственно с оригинала. Деятельность этого популярного издательства, выпускавшего книги огромными тиражами, и распространение элитных славистических журналов позволили существенно изменить отношение итальянцев к творчеству Достоевского в массовом представлении итальянцев, поначалу воспринимавших его как автора модной «болезненной» беллетристики, но теперь признавших писателя классиком мирового значения, и это вопреки идеологическим ограничениям, введенным в тот период фашистской властью по отношению к иностранным литературным произведениям. Один из ключевых моментов этого перехода связан с пятидесятилетием со дня смерти Достоевского, когда Гинзбург подготовил монографический номер журнала «Cultura», в котором были собраны статьи самого Гинзбурга и таких выдающихся русистов, как А. Бем, Д. С. Мирский, В. Познер, Ло Гатто, Э. Дамиани, Джусти²².

Вряд ли является случайностью тот факт, что интерес к творческим приемам и тематике произведений Достоевского испытывали в первую очередь писатели и литераторы, относившиеся критически к весьма ограниченным культурным горизонтам фашистского режима. Если в литературных журналах 1910-х — начала 1920-х гг. преобладала отрицательная оценка «чужого» Достоевского, противоположного «латинскому» духу Италии, то журнал «Солярия» («Solaria») с самого момента своего основания в 1926 г. в поиске *подлинности* за пределами искус-

²⁰ См.: *Maver Lo Gatto A.* Достоевский в исследованиях и переводах Этторе Ло Гатто // *Dostoevsky Studies*. 1983. N 4. P. 165–172.

²¹ Гаспарини посвятил Достоевскому несколько монографий: *Gasparini E.* Elementi della personalità di Dostojevskij. Roma, 1928; *Gasparini E.* Il principe Myskin: una ricerca sul cristianesimo di Dostojevskij. Padova, 1937; *Gasparini E.* Il dramma dell' *intelligencija*: Morfologia della cultura russa. Padova, 1940; *Gasparini E.* Dostoevskij e il delitto. Venezia, 1946.

²² *La Cultura*. 1931. Febbraio. Anno XI, N spec. F. 2. Заслуживает упоминания и библиография самого Гинзбурга, автора различных статей и предисловий к переводам произведений Достоевского (см. *Ginzburg L.* Scrittori russi. Torino, 1948).

ственных категорий и традиционных правил итальянского культурного дискурса сделал русского писателя одной из центральных фигур своей концепции нравственно сознательной литературы²³. С этого периода позиции творчества Достоевского в итальянской культуре укрепляются, оно становится одной из непреложных составляющих кругозора современной образованной личности. Следовательно, и в литературе оно находит широкое отражение в плане заимствования как мотивов (убийства и покаяния, «слабого сердца», «вечного мужа» и др.), так и художественных приемов. Есть по крайней мере два писателя первой величины, в творчестве которых можно обнаружить конкретное влияние Достоевского: А. Моравиа и К. Э. Гадда. Сам Моравиа не раз говорил о своей приверженности к Достоевскому²⁴, которого он считал главным мастером прозы XX в. «Записки из подполья» он называл основополагающим началом экзистенциализма, произведением, раскрывшим психологию современного человека²⁵. Что касается Гадды, чтение Достоевского послужило ему толчком для развития своих идей о романе как жанре и о постоянно открытом соотношении сферы «романного» с действительностью, становившемся в какой-то мере материей самих романов. С Достоевским его связывало и внимание, уделяемое проблемам ответственности и вины, так как, по словам Гадды, «вина одного — это вина всех»; изучение причин и последствий преступления предполагает «этический анализ сопутствующих причин добра и зла»²⁶.

О теме преступления в творчестве Достоевского написана и монография Гаспарини «Dostoevskij e il delitto». Среди итальянских писателей середины XX в., в произведениях которых ощутимо влияние Достоевского, можно еще отметить У. Бетти, Т. Ландольфи и П.-П. Пазолини²⁷.

Итальянское достоеведение начальных этапов первой половины XX в. достаточно широко и глубоко изучено. А история восприятия литературного наследия Достоевского в итальянской послевоенной и современной культуре, в частности, в критике, — тема, еще не исследованная систематически. О значении Достоевского для современной литературы однажды недвусмысленно высказался романист Г. Пьевене (G. Piovene): «„Dostoevskiana“ — главенствующее течение литературы

²³ Ср. *Adamo S. Dostoevskij in Italia: Il dibattito sulle riviste (1869–1945)*. Udine, 1998. P. 156–166.

²⁴ «Моим учителем был Достоевский», утверждал Моравиа в интервью 1978 г. (*De Michelis E. Dostoevskij nella cultura italiana // Dostoevskij nella coscienza d'oggi*. Firenze, 1981. P. 191. Ср.: *Колуччи М. Достоевский и итальянская культура // Dostoevskij und die Literatur*. Köln; Wien, 1983. С. 431–432).

²⁵ *Martini M. A scuola di esistenzialismo: Moravia allievo di Dostoevskij // Dostoevskij F. M. L'eterno marito*. Torino, 2001. P. 179–182.

²⁶ *Adamo S. Gadda e Dostoevskij // Edinburgh J. of Gadda Studies: First EJGS Conf. Proc.* November 2004.

²⁷ См.: *Martini M. Pasolini e Dostoevskij // Antologia Viuesseux*. Nuova serie. 1995. Maggio — Agosto. Anno I, N 2. P. 103–118.

нашего века <...>. Творчество Толстого составляет для нас, скорее, будущее, нежели прошлое. „Dostoevskiana“ со своими бесчисленными ответвлениями — это наша действительность, а Толстой, — скорее, идеал»²⁸.

Как мы видели, литературоведческие и философские исследования творчества Достоевского, характеризующиеся сначала предвзятой подозрительностью или отсутствием самостоятельности, в 1920-х гг. достигли зрелости, и с тех пор в Италии они никогда не переставали развиваться, что приводило часто к оригинальным результатам. Публикуются эссе и монографии, посвященные самым разным аспектам творчества и мышления Достоевского — с точки зрения литературоведения, истории идей, педагогики, психоанализа, криминологии и т. п. Трудно говорить о конкретных «школах» изучения творчества Достоевского в итальянских университетах и исследовательских центрах, скорее, можно указать на отдельные личности, способные создать вокруг себя небольшие группы продолжателей, придерживающихся тех же исследовательских приемов и обращающих внимание на определенные аспекты творчества писателя.

В моем представлении, одно из самых типичных и, наверное, самых оригинальных направлений итальянского послевоенного достоеведения находится в области философских исследований с ярким религиозным оттенком. Несомненно, в этом просматривается глубокое значение католической культуры в Италии. Но было бы грубой ошибкой ограничиться этим влиянием и заранее «предвкушать» в подобных исследованиях отпечаток односторонности: реальность гораздо разнообразнее. Так или иначе, чтение Достоевского никогда не переставало вызывать целый ряд религиозных и этических вопросов, и итальянское достоеведение сумело отличаться в их изучении оригинальными подходами и значительными результатами. Мы не можем включить в этот перечень знаменитого философа Р. Гуардини (R. Guardini), рожденного в Италии, но сформировавшегося как исследователь в Германии; тем не менее не должны остаться незамеченными совпадения его мировоззрения, основанного на католицизме, с общим фоном культуры страны его происхождения. В любом случае книга Гуардини о Достоевском была переведена на итальянский язык именно в те годы, когда в Италии начали развиваться религиозно-философские исследования творчества русского писателя, и она имела в этом процессе первостепенное значение²⁹.

²⁸ Пьювене Г. Выступление на международной конференции «Лев Толстой» в Венеции // Литературное наследство. 1965. Т. 75, кн. 1. С. 204–205. См. также: Martini M. Mon nom est Fedor Dostoevskij // Guido Piovene: tra realtà e visione / A cura di M. Rizzante. Trento, 2002. P. 141–156.

²⁹ Guardini R. Il mondo religioso di Dostoevskij. Bergamo, 1951 (на немецком: Religiöse Gestalten in Dostojewskijs Werk: Studien über den Glauben. Leipzig, 1939); русский перевод: ЭОН. Альманах старой и новой культуры. Вып. IX: Романо Гвардини. Исследование

Не подлежит сомнению, что, пройдя трагическое испытание войной, итальянские мыслители и писатели обращали внимание в творчестве Достоевского на волнующие их вопросы о природе Зла, о позиции Бога по отношению к несправедливости и насилию. Характерно, что они при этом исходили из различных идеологий: если священник Б. Шульце (B. Schultze) изучал христологию Достоевского, Толстого и других русских писателей с точки зрения католической доктрины³⁰, то подход Р. Кантони (R. Cantoni) был сугубо светским, и литературовед находился под сильным влиянием экзистенциализма. Определив в качестве ключевого центра размышлений Достоевского «Записки из подполья», Кантони в своем эссе «Кризис человека. Мышление Достоевского»³¹ абсолютизирует противопоставление ценностей (христианство и нигилизм, добро и зло) без возможности компромисса: трагизм существования состоит, по мнению Кантони, в том, что сама логика человеческой свободы предполагает противоречивость и тщетность всякого выбора, так что отрицательная сторона бытия становится неизбежной составляющей индивидуальности³². Кантони критикует все метафизические выходы, предложенные Достоевским: «наставительное абстрагирование» Зосимы или Макара, «устарелое теологизирование» писателя, «примитивность» его «русского мессианства»³³.

Идеологическая двуполярность послевоенного мира проявилась и на итальянской почве, где сильное подчеркивание духовного начала Достоевского служило католическим мыслителям средством для полемики с основами советской атеистической культуры, в то время как мыслители-марксисты видели в нем пророка революции. Однако следует заметить, что при естественном влиянии той или иной идеологической тенденции большинство исследователей вели свои размышления тонко и самостоятельно. Одно из ярких свидетельств актуальности Достоевского-«экзистенциалиста» для итальянского послевоенного общества представляет собой цикл радиопередач Э. Пачи (E. Paci) о «Творчестве Достоевского» (1955). Эти лекции пользовались популярностью и были тогда же собраны в одноименную книгу³⁴. Если католических исследователей интересовали прежде всего персонажи

религиозной экзистенции в больших романах Достоевского. Человек и вера. М., 2010). Не менее значимыми были переводы в те же годы книг Шестова, Мережковского и Бердяева: *Berdjaev N. La concezione di Dostoevskij*. Torino, 1945; *Merezkovskij D.S. Tolstoj e Dostoevskij*. Vita. Creazione. Religione. Roma-Bari, 1947; *Šestov L. La filosofia della tragedia: Dostoevskij e Nietzsche*. Napoli, 1950; *Šestov L. Le rivelazioni della morte*. Firenze, 1950. О значении переводных монографий Гуардини, Бердяева и Шестова см.: *Givone S. Dostoevskij e la filosofia*. Roma; Bari, 1984 (2-е изд.: Roma; Bari, 2006).

³⁰ *Schultze B. Pensatori russi di fronte a Cristo*. Firenze, 1947.

³¹ *Cantoni R. Crisi dell'uomo. Il pensiero di Dostoevskij*. Milano, 1948 (2-е изд.: Milano, 1975).

³² Cp. *Ibid.* P. 76.

³³ *Ibid.*

³⁴ *Paci E. L'opera di Dostoevskij*. Torino, 1956.

«Братьев Карамазовых», «Идиота» и «Бесов», а для Кантони (как и для Моравиа) центр творчества Достоевского состоял в «Записках из подполья», то Пачи обнаруживает этот центр в фигуре двойника, связующей все произведения писателя. Двойничество позволяет писателю экспериментировать на своих героях, довести идеи до последних пределов. Художник и его герой — двойники, и сам герой, например Ставрогин, относится к своим теориям как художник, творец идей. Искусство становится, таким образом, орудием философии, поскольку автор работает со «смыслом существования»³⁵.

Как особо ценные и оригинальные следует упомянуть философские работы Л. Парейсона (L. Pareyson) и его ученика С. Дживоне (S. Givone), посвященные прежде всего вопросам этики в творчестве Достоевского. Парейсон, ставший учителем, среди прочих, для Умберто Эко и Джанни Ваттимо, еще до Второй мировой войны одним из первых ввел экзистенциализм в итальянский философский дискурс. Парейсон скоро стал обращать внимание на то, что, не будучи философом, Достоевский поднял в своих произведениях ряд принципиальных этических вопросов. И именно оттого, что писатель подошел к ним с точки зрения художника, а не философа, ему удалось показать их с неожиданной точки зрения. Только в 1966 г. Парейсон представил первые выводы своих десятилетних размышлений над творчеством русского писателя, посвятив ему курс в университете Турина³⁶. Главный фокус анализа Парейсона — этическое мышление Достоевского. В основе размышлений итальянского философа стоят эссе Шестова и Бердяева, при этом Парейсон полностью отступает от их выводов. Он анализирует три ключевых момента человеческого существования: переживание добра и зла; бремя свободы, опыт которой является центральным в жизни человека; и опыт общения с Богом. Посредством Достоевского и его героев (в первую очередь на материале поэмы «Великий инквизитор» в романе «Братья Карамазовы»), Парейсон показывает, что происходит с человеком тогда, когда он злоупотребляет свободой, выбирая зло и ставя себя на место Бога. Безудержное упоение свободой ведет к разрушительному Ничему. Путь этики ведет к метафизике: корень этики — это генерирующая страдание связь между Богом и злом. Парейсон говорит об «атеистическом моменте Божества», когда Бог, вочеловечившись, допускает раздор и противоречия, грех и смерть. Проанализировав размышления и поступки героев Достоевского, исследователь делает вывод, что нельзя ограничить роль зла лишением бытия или отсутствием добра: «оно

³⁵ Ibid. P. 21.

³⁶ Конспекты курса были тут же собраны и опубликованы: *Pareyson L. Il pensiero etico di Dostoevskij*. Torino, 1967. Философ продолжал работать над темами Достоевского до конца жизни, так и не завершив свою монографию, которая была опубликована посмертно в том — впрочем, почти окончательном — варианте, на котором он оставил работу над ней (*Pareyson L. Dostoevskij: filosofia, romanzo ed esperienza religiosa*. Torino, 1993).

имеет свою сознательную положительность, приводящую к неограниченной свободе». Зло — «начало *мятежное* по отношению к Абсолютному Существо... оно есть явно и положительно сопротивление, бунт, восстание, более того — неприятие, отторжение, отказ»³⁷. Таким образом, зло хоть и не существует в плане абсолюта, но может действовать в плане конечного и относительного, как паразит, который, эксплуатируя конечное в виде «онтологической опоры», становится «болезнью бытия, приводящей к разрушению и к смерти»³⁸.

Одна из лучших частей монографии Парейсона посвящена теме «бесполезного страдания». Достоевский усвоил и своеобразно описал христианскую концепцию страдания как искупления и очищения; он также заметил «человеческое расположение к страданию, одновременно раскрывая его характерную амбивалентность <...>. Достоевский — мастер в анализе этого мазохизма в высшей степени, который состоит во вкусе страдания и в наслаждении страданием»³⁹. Однако это соответствие страдания и наслаждения, основанное на активном осознании причин и последствий страдания как искупления и очищения, отсутствует в случае «бесполезного», излишнего страдания, в первую очередь касающегося детей. Парейсон, как правило, обращается к аргументации Ивана Карамазова. Заключим, что Иван гораздо точнее, чем Ницше, сформулировал самую законченную и логичную философию современного нигилизма. Неоправданность детского страдания, согласно Ивану, несовместима с самим существованием Бога (а не просто с вопросом о Его доброте или жестокости). Но, по мнению Парейсона, Достоевский через других героев романа дал ответ на тезисы Ивана, уничтожающая философия которого — а это главное — последовательно превращается в философское самоуничтожение в тот момент, когда с банализацией дьявола она завершит свое погружение в действительность: «Атеизм будет постепенно терять рычащую ярость бунта или бешеный порыв протеста, или студеный блеск богохульства, но это опускание не будет упадком, а совершенным осуществлением атеизма в нигилизме <...>. Это у него обыденный и спокойный вид нигилизма, во всем соответствующий банализованному, и поэтому побеждающему, бесу: это настолько всеобщее и тотальное отрицание, что полностью идентифицируется с действительностью <...>. Но религиозность, выгнанная из действительности, приютится в самой сердцевине личной жизни; и когда отрицание до того тотально, что полностью идентифицируется с действительностью, нет другого места для религиозного духа, если не в из ряда вон выходящем и необычном виде отчаяния и разложения личности»⁴⁰.

³⁷ Pareyson L. Dostoevskij: filosofia, romanzo ed esperienza religiosa. Torino, 1993. P. 65.

³⁸ Ibid. P. 66.

³⁹ Ibid. P. 171.

⁴⁰ Ibid. P. 194–195.

Эта глубокая трактовка Парейсона нашла достойное продолжение в работе Дживоне, который в 1984 г. выпустил первое издание монографии «Достоевский и философия»⁴¹. Книга состоит из двух разделов. В первом исследователь блестяще показывает, «как современная философия прочитала Достоевского», он анализирует с равным вниманием труды русских и европейских мыслителей, которые обратились к творчеству Достоевского (в том числе рисуя историю итальянского философского достоевведения). Второй раздел книги посвящен оригинальным исследованиям воззрений русского писателя в области эстетики, этики и теории. Дживоне старается приблизиться к сути мышления самого Достоевского, но надо отдать ему должное — он избегает попытки систематизировать взгляды писателя. Мышление Достоевского — это интуиция художника и гения, которая сумела стимулировать философские изыскания и до сих пор дает философам материю для бесконечных открытий и размышлений⁴². Среди тем, изученных Дживоне, стоит напомнить тему «комизма преступления и трагизма искупления», а в частности то, что Дживоне называет «парадоксом Раскольникова»: преступление является уже собственным искуплением⁴³.

В числе исследований философского характера, посвященных творчеству Достоевского, следует упомянуть еще своеобразную монографию «Карамазовы между По и Вико»⁴⁴, написанную венгром по рождению, но проживающим в Италии историком философии А. Фаем (A. Faj). Возможно, Фай первым изучил взгляды на историю, принадлежавшие философу Дж.-Б. Вико (G.-B. Vico) и распространившиеся в России во второй половине XIX в. Исследователь показывает неожиданное влияние теории исторических циклов неаполитанского философа на самого Достоевского. Работа Фая местами очень интересна и богата идеями. В то же время его выводы кажутся часто слишком односторонними. Например, рассуждая о генетическом влиянии на творчество русского писателя, с одной стороны, философии Вико, а с другой — рассказов Э.А. По, автор не считает нужным доказывать эти связи примерами из текстов произведений. Исследуя «Братьев Карамазовых», Фай отождествляет отца и каждого из четырех братьев с одним из пяти исторических циклов Вико, исключая всё, что не вписывается в викианские тезисы автора. В связи с этим во имя монологического толкования мышления Достоевского (без права самостоятельности

⁴¹ *Givone S. Dostoevskij e la filosofia*. Roma-Bari, 1984 (2-е изд.: Roma; Bari, 2006).

⁴² Некоторые интерпретации «религиозной диалектики» Достоевского относятся к «самым интересным выводам европейской философии» и — пишет Дживоне — «к толкованию, способному *диалектически* состыковать оба различных аспекта мышления Достоевского — радикальное сомнение и веру, нигилизм и христианство — ведут такие сами по себе далекие друг от друга исследования, как розановское <...> или же парейсоновское» (Ibid. P. VIII).

⁴³ Ibid. P. 103–115.

⁴⁴ *Faj A. I Karamazov fra Poe e Vico*. Napoli, 1984.

персонажей), резко опровергается полифонический диалогизм, выявленный еще Бахтиным.

Философские аспекты творчества писателя продолжают интересовать итальянских исследователей и по сей день. Отметим среди прочих монографию Д. Пачини (G. Pacini) «Шваховат в философии: очерк о мышлении Федора Михайловича Достоевского», тема которой — уровень философских знаний Достоевского и его неспособность принимать идеи последовательно философским подходом⁴⁵; а также ряд книг, посвященных связям философии XX в. с творчеством и мышлением русского писателя⁴⁶.

Сильный и неослабевающий интерес к исследованиям Достоевского в Италии демонстрируют католические ученые центры. Главным в этом отношении является «Чентро Руссия Кристиана», основанный в городке Сериате (Бергамо) в 1957 г. с целью изучать духовное наследие России и противостоять влиянию советского атеизма, публикуя религиозную литературу, в том числе труды отцов русского духовного мышления, в издательстве «La casa di Matriona» («Матренин двор») и на страницах журнала «La nuova Europa» («Новая Европа»).

Толкование творчества Достоевского с религиозных позиций берет свое начало в философии Вл. Соловьева, в том, как Соловьев интерпретировал идеи своего друга-писателя, но оно не исключает и влияния идей других русских религиозных мыслителей (Бердяева, Розанова, Шестова)⁴⁷. Самый выдающийся достоевед центра — А. Делл'Аста (A. Dell'Asta)⁴⁸.

Первенство в итальянском достоеведении следует, вероятно, отдать исследованиям философского характера, но это совсем не значит, что не хватает работ высокого уровня и в области литературоведения.

⁴⁵ Pacini G. Deboluccio in filosofia: saggio sul pensiero di Fedor Michajlovič Dostoevskij. Milano, 1997.

⁴⁶ См.: Un artista del pensiero. Saggi su Dostoevskij / A cura di G. Gigante. Napoli, 1992; Belloli P. G. Fenomenologia della colpa: Freud, Heidegger, Dostoevskij, con un saggio di A. G. Conte. Milano, 2001; Nietzsche e Dostoevskij. Origini del nichilismo / A cura di C. Ciancio, F. Vercellone. Torino, 2001; *Oppo A. Dostoevskij: La Bellezza, il Male, la Libertà // XÁOS. Giornale di confine*. 2003. Anno II, N 1/3 [Электронный ресурс] http://www.giornalediconfine.net/anno_2/n_1/20.htm (дата обращения 07.01.14); Vitello V. Cristianesimo e nichilismo: Dostoevskij–Heidegger. Brescia, 2005; и др.

⁴⁷ См. хрестоматию: Il dramma della libertà. Saggi su Dostoevskij. Milano, 1991. Журнал «La nuova Europa», помимо множества статей в течение нескольких лет, посвятил Достоевскому специальный номер (1997. N 4).

⁴⁸ Среди них: Dell'Asta A. Una parola all'estremità del silenzio: Il Cristo teologico di Dostoevskij // *Communio*. 1981. N 55: Strumento internazionale per un lavoro teologico. P. 71–90; Dell'Asta A. Dostoevskij e l'iconicità // Dostoevskij e la questione dell'altro. Milano, 1990. P. 7–20; Dell'Asta A. La terribile bellezza di Dostoevskij // Dostoevskij. Milano, 1997. P. 19–30; Dell'Asta A. La resurrezione: chiave della letteratura, delle arti e della cultura russa. L'esempio di Dostoevskij // Il corpo glorioso. Il riscatto dell'uomo nelle teologie e nelle rappresentazioni della resurrezione / A cura di C. Bernardi, C. Bino, M. Gragnolati. Pisa, 2006. P. 61–70.

По их числу библиография весьма богата, поэтому остановимся только на нескольких лучших достижениях последних десятилетий.

Особое место занимает итальянист Э. Де Микелис (E. De Michelis), тончайший филолог и эрудит, который в течение всей своей исследовательской жизни посвящал книги и статьи поэтике Достоевского и восприятию его творчества в итальянской литературе. Главная работа Де Микелиса — книга 1950 г. «Достоевский»⁴⁹, в которой критик предлагал путь строго филологического и текстологического исследования творчества писателя во избежание всех форм идеологизированной интерпретации его художественного наследия. Некоторым критикам — писал Де Микелис в предисловии книги — «понравилось плавать в Достоевском — „океане без начала“ <...>, утопив понимание в своего рода мистицизме и так же, как это произошло с Данте, забывая поэта для того, чтобы превозносить пророка»⁵⁰. Де Микелис требует внимания к тексту, не настаивает на определенных интерпретациях; несмотря на свое незнание русского языка (для перевода источников он обращался к помощи Ло Гатто и других русистов), изучает произведения Достоевского с филологическим чутьем итальяниста, не случайно упоминая другого великого «властителя дум» — Данте. Де Микелиса творчество Достоевского в целом интересует не меньше, чем отдельные его произведения. Мелкие нюансы этих произведений и их сопоставление с литературными произведениями других стран (в первую очередь Италии) Де Микелис провел во второй своей книге «Малые произведения Достоевского»⁵¹ и в ряде журнальных статей.

Тщательный сопоставительный анализ — одна из лучших черт работ Де Микелиса. Вообще компаративистика была одной из любимых «территорий» итальянского достоевведения. До относительно недавнего времени представители этого направления исследований в поиске «влияний» не выходили за традиционные и привычные для итальянской филологии рамки генетического сопоставления. Самый характерный в этом смысле пример — монография А. Гуарниери Ортолани (A. Guarnieri Ortolani) «Очерк о судьбе Достоевского в Италии»⁵², настолько же богатая информацией, насколько ограниченная схемой, согласно которой в поле зрения исследовательницы входит лишь то, что можно назвать прямым тематическим влиянием Достоевского на итальянских писателей. Тщетность такого рода сопоставления в случае Пиранделло ярче всего показывает неудовлетворительность подхода.

Но несмотря на недостатки, итальянская компаративистика давала иногда и интересные результаты: помимо цитированных работ Де Микелиса, в частности о влиянии Достоевского на Ф. Тоцци (F. Tozzi)⁵³,

⁴⁹ *De Michelis E. Dostojevskij. Firenze, 1950.*

⁵⁰ *Ibid. P. 1.*

⁵¹ *De Michelis E. Dostojevskij minore. Firenze, 1954.*

⁵² *Guarnieri Ortolani A. Saggio sulla fortuna di Dostojevskij in Italia. Padova, 1947.*

⁵³ *De Michelis E. Saggio su Tozzi. Firenze, 1936. P. 77–82.*

можно указать статью выдающегося исследователя французской литературы Д. Маккиа (G. Macchia) «Достоевский и Пруст»⁵⁴ или статью Гуарниери Ортолани «Достоевский и Ландольфи»⁵⁵. Только относительно недавно итальянские компаративисты значительно расширили свое поле зрения, допуская типологический и морфологический анализ и активно работая в областях интертекстуальности и теории перевода. Об этом свидетельствуют среди прочих работа слависта Р. Пиккьо (R. Picchio) о Достоевском и Любене Каравелове, «эразмианское» исследование С. Грачиотти (S. Graciotti) о культурных прототипах «Идиота»⁵⁶, статьи И. Верча (I. Verç) о Достоевском и Леонове, С. Гардзонио (S. Garzonio) о влиянии творчества Карамзина на произведения Достоевского, С. Алоэ (S. Aloe) о типологических параллелях между творчеством Достоевского и литературой испанского барокко и об отношениях аргентинских прозаиков к творчеству русского писателя, С. Адамо (S. Adamo) об отношении Звево и Гадды к творчеству Достоевского⁵⁷ и, наконец, работы таких знаменитых «неславистов», как Р. Барилли (R. Barilli) о Звево, С. Перозы (S. Perosa) о восприятии Достоевского в английской и американской литературах, П. Читати (P. Citati) о связях его произведений с европейским романом XIX в.⁵⁸

Интерес к Достоевскому с точки зрения истории идей и общества, проявлявшийся на первых этапах распространения его творчества в Италии, сохранился и на этапе расширения литературоведческих исследований и с ними «контаминировался», получив таким образом более глубокие основы и возможность развиваться по многим

⁵⁴ Macchia G. Dostojevskij e Proust // Il romanzo russo nel sec. XIX e la sua influenza nelle letterature dell'Europa Occidentale. Colloquio italo-sovietico. Atti dei convegni dei Lincei. Roma, 1978. P. 127–140. Об этой теме см. также: *Rebecchini D.* Proust e l'«Idiota» di Dostoevskij. Analisi di un percorso di lettura // Quaderni Proustiani. Napoli, 2002. P. 7–25.

⁵⁵ Гуарниери Ортолани А. Достоевский и Ландольфи // Dostoevsky Studies. 1981. N 2. С. 163–168.

⁵⁶ Пиккьо Р. Мертвый дом Достоевского и Каравелова // Revue des études slaves. 1981. Vol. 53, N 4. P. 587–595; Graciotti S. Dostoevskij e l'elogio dell'«idiotia» // Dostoevskij e la crisi dell'uomo / A cura di S. Graciotti, V. Strada. Firenze, 1991. P. 421–440.

⁵⁷ Верч И. К вопросу о так называемой «традиции» Достоевского в двух редакциях романа «Вор» // J. M. Leoнова // Dostoevsky Studies. 1981. N 2. С. 119–128; Garzonio S. Alcuni dati sulla presenza dell'opera di Karamzin in Dostoevskij // Gli orizzonti della creazione. Studi e schede di letteratura russa. Bologna, 1992. P. 125–136; Алоэ С. Достоевский и испанское барокко // Достоевский и мировая культура. 1998. N 11. С. 76–94; Алоэ С. «Una especie de lamellos metafisico»: Достоевский и русский роман как литературный миф в творчестве Хулио Кортасара и Эрнесто Сабао // F. M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues / A cura di K. Kroó, T. Szabó. Budapest, 2009. P. 15–26; Adamo S. Gadda e Dostoevskij // Edinburgh J. of Gadda Studies: First EJGS Conf. Proc. November 2004.

⁵⁸ Barilli R. Svevo tra il «moderno» Zola e il «postmoderno» Dostoevskij // Italo Svevo tra moderno e postmoderno / A cura di M. Buccheri, E. Costa. Ravenna, 1995. P. 45–50; Perosa S. Dostoevskij in Inghilterra e in America // Comparatistica: annuario italiano. 1989. Anno 1. P. 71–82 (переиздано в кн.: Perosa S. Transitabilità. Palermo, 2005); Citati P. Il male assoluto. Nel cuore del romanzo dell'Ottocento. Milano, 2000.

направлениям. Очень показательна в этом смысле одна из первых послевоенных монографий о русском писателе — работа Джусты «Достоевский и русский мир XIX века»⁵⁹. Историзм Джусты направлен на сопоставление истории идей в России и в Европе, а творчество Достоевского служит ему весьма показательным образцом этой истории. Научный подход Джусты считается сегодня в основном устаревшим — слишком далеки от ученого оригинальные тексты и язык Достоевского (для анализа произведений исследователь пользуется исключительно переводами). И уже сразу после выхода в свет этой книги Де Микелис увидел в ней помимо ряда положительных качеств «грех» схематизма⁶⁰.

Такие недостатки в изучении отношений между концептуальным миром Достоевского и идеями его эпохи были преодолены исследователями, обладающими хорошей филологической и языковой подготовкой. Приемы современного литературоведения, а также усиленное внимание к текстологическим аспектам и к соотношению между текстом и контекстом привели к методологически уравновешенному анализу таких тем, как всегда популярный в Италии нигилизм или каторга в «Записках из мертвого дома», политические взгляды Достоевского-публициста и т. п. Выделяется в этой области исследований фигура самого известного итальянского русиста — В. Страды (V. Strada), который посвятил творчеству и идеологическому миру Достоевского важные работы и способствовал развитию международного достоевведения в 1980–1990-х гг. Поддерживая связь между выдающимися учеными разных стран, он пригласил их печататься в своем журнале «Россия/Russia» и принять участие в большой конференции о русском писателе, организованной им вместе с Грачиотти в Венеции в 1981 г. (речь об этом пойдет далее).

В работах самого Страды изучены различные аспекты творчества Достоевского как художника и мыслителя: если в «Проблеме „Преступления и наказания“» (1966) Страда углублялся в анализ мотиваций Раскольникова и теоретические основы его «наполеонизма», то позже он обратился прежде всего к теме сверхчеловека (буквально *Superuomo*) и характеристикам образа революционера в произведениях русского писателя⁶¹.

Среди исследований, в которых уделено особое внимание публицистической стороне творчества Достоевского и его социополитическим аспектам, можно упомянуть работы Р. Валле (R. Valle) и Г. Карпи

⁵⁹ *Giusti W.* Dostoevskij e il mondo russo dell'800. Napoli, 1952.

⁶⁰ *De Michelis E.* Guardini e Giusti // Dostoevskij minore. P. 93–97.

⁶¹ *Strada V.* Il problema di *Delitto e castigo* // Tradizione e rivoluzione nella letteratura russa. Torino, 1969. P. 37–83; *Strada V.* Il superuomo e il rivoluzionario nella prospettiva di Dostoevskij: «Bobok» // Dostoevskij e la crisi dell'uomo. P. 163–177. См. также: *Strada V.* Immagini di Dostoevskij // Le veglie della ragione. Miti e figure della letteratura russa da Dostoevskij a Pasternak. Torino, 1986. P. 15–77; *Strada V.* Etica del terrore: Da Fëdor Dostoevskij a Thomas Mann. Roma, 2008.

(G. Carpi)⁶². В последние годы почти одновременно были защищены две очень серьезные диссертации, обе на материале «Дневника писателя», анализирующие прежде всего стиль и язык Достоевского-публициста⁶³. Разбору писем, посланных Достоевским из Петропавловской крепости, и концептуальному соотношению заточения и творчества недавно посвятила статью Ч. Де Лотто (C. De Lotto)⁶⁴.

Различные аспекты поэтики писателя были затронуты в огромном числе работ итальянских исследователей за последние пятьдесят лет, и этот объем затрудняет задачу нашего очерка. Многие итальянские рунисты занимались творчеством Достоевского хотя бы эпизодично; правда, относительно немногие сделали его ведущей темой своих исследований. Интерес к собственно поэтике Достоевского возрос в конце 1960-х гг., чему способствовали организаторы ряда значительных конференций, первая из которых — «Достоевский в сегодняшнем сознании» — под руководством Грачиотти, состоялась в Венеции в 1972 г.⁶⁵ Столетняя годовщина смерти писателя имела в Италии огромный резонанс, в том числе благодаря конференциям международного уровня. В первую очередь упоминаем IV симпозиум Международного общества Достоевского, организованный в Бергамо в 1980 г. благодаря энтузиазму Н. М. Каухчишвили. Нина Михайловна, создательница настоящей

⁶² Valle R. *Dostoevskij politico e i suoi interpreti: l'esodo dall'Occidente*. Prefazione di V. Strada. Roma, 1990; *Carpi G.* «Umanità universale». Le radici ideologiche di Dostoevskij. Pisa, 2001; *Carpi G.* Ф. М. Достоевский и судьбы русского дворянства (по роману «Идиот» и другим материалам) // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. М., 2001. С. 482–507; *Carpi G.* Dostoevskij economista // Studi Slavistici. 2005. Anno 2. P. 97–118; *Carpi G.* «Умственная оргия». Ф. М. Достоевский и А. М. Унковский // Вопросы литературы. 2005. N 5. С. 202–221.

⁶³ Основные выводы этих диссертаций опубликованы: *Vassena R.* Reawakening National Identity. Dostoevskii's *Diary of a Writer* and Its Impact on Russian Society. Bern, 2007; *Vassena P.* «Русская идея» читателей в сознании «рассуждающих» и «нерассуждающих» читателей (из истории восприятия Дневника писателя за 1876–1877 гг.) // Достоевский и мировая культура. 2004. №20. С. 193–211; *Vassena P.* «Вы не можете не сочувствовать нам, бедным студентам...»: письма студентов к Достоевскому // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 17. СПб., 2005. С. 325–345; *Vassena P.* The Jewish question in the genre system of Dostoevskii's *Diary of a Writer* and the problem of the authorial image // Slavic Review. 2006. Vol. 65, N 1. С. 45–65; *Paolini S.* L'elemento autobiografico nel *Diario di uno scrittore* di F. M. Dostoevskij // Europa orientalis. 2004. Vol. 2. P. 173–197; *Paolini S.* Dostoevskij e il byronismo: osservazioni dalla pubblicistica e dal *Diario di uno scrittore* // Nuovi Quaderni del C.R.I.E.R. Anno I. Verona, 2004. P. 155–176; *Paolini S.* Il tempo narrato nel *Diario di uno scrittore* di F. M. Dostoevskij, luogo di memoria e di giudizio // Immagini di tempo: Studi di slavistica / A cura di P. Tosco. Verona, 2010. P. 169–178.

⁶⁴ *De Lotto C.* Dostoevskij. Lettere dalla fortezza // «Le loro prigioni»: scritture dal carcere. Atti del Colloquio internazionale / A cura di A. M. Babbì, T. Zanon. Verona, 2007. P. 257–290.

⁶⁵ Материалы конференции увидели свет только в 1981 г.: Dostoevskij nella coscienza d'oggi. Firenze, 1981. Среди авторов — В. Б. Шкловский, М. П. Алексеев, А. Флакер, Ж. Каттё, итальянские слависты Ло Гатто, Пиккьо, Э. Баццарелли, Гаспарини, писатель К. Бо, философ Парейсон и др.

славистической школы в Бергамо и одна из основателей Международного общества Достоевского в 1971 г., пригласила в Италию лучших достоеведов и вовлекла в работу симпозиума целый ряд молодых итальянских русистов⁶⁶. Статьи Каухчишвили о Достоевском всегда оригинальны и тонки. Еще значительнее ее заслуги как педагога и организатора⁶⁷. Фактом остается то, что многие из учеников Каухчишвили с ее подачи занимались поэтикой Достоевского и в следующие годы. Так, например, Р. Казари (R. Casari)⁶⁸ и Дж.-П. Пиретто (G.-P. Piretto)⁶⁹ исходя из приемов семиотики фокусировали внимание в первую очередь на хронотопе Петербурга и некоторых пространственных мотивах в произведениях писателя. Годовщину его смерти отметили крупными конференциями в Милане в 1982 г., в Риме в 1983 г. в престижной Академии деи Линччей⁷⁰, а также в Венеции в 1981 г., под эгидой Фонда «Чини» и под руководством Страды и Грачиотти вместе с выдающимся итальянистом В. Бранкой (V. Branca). Все три конференции прошли с участием знаменитых достоеведов⁷¹. Проведенная в Ассизи

⁶⁶ См. материалы симпозиума, только частично отражающие его работы: *Attualità Dostoevskij*. Genova, 1982, со статьями западных ученых Р. Веллека, Н. Натовой, Р.Л. Бэлкнапа, М.В. Джонса и др., а также со статьями десятков итальянских ученых, среди которых Н.М. Каухчишвили, И. Верч, Дж.-П. Пиретто, Р. Казари и др.

⁶⁷ Как ни странно, Нина Михайловна написала о Достоевском не столь много. Среди ее статей следует упомянуть: *Kauchschischwili N. L'icone dans l'oeuvre dostoevskienne // Dostojevskij und die Literatur. Vorträge zum 100. Todesjahr des Dichters auf der 3. internationalen Tagung des «Slavenkomitees» in München 12–14. Oktober 1981. Köln & Wien, 1983. S. 123–146; Kauchschischwili N. Alcuni aspetti specifici della poetica dostoevskiana // Problemi attuali di critica dostoevskiana: atti del convegno tenuto a Milano il 14 e 15 maggio 1982 / A cura di E. Bazzarelli. Milano, 1983. P. 33–55; Kauchschischwili N. Le portrait littéraire chez Dostoevskij // *Attualità Dostoevskij*. P. 159–213; *Kauchschischwili N. География либо художественная канва Бесов Достоевского // Slavica Tergestina. 2000. Vol. 8. С. 37–52; Kauchschischwili N. Dostoevskij e il denaro. Milano, 2007.**

⁶⁸ *Casari R. Купеческий дом: историческая действительность и символ у Достоевского и Лескова // Достоевский. Материалы и исследования. 1988. Т. VII. С. 87–92; Casari R. Di un motivo architettonico-spaziale in Dostoevskij. Le vaste prigioni della mente // Studi slavistici offerti a Alessandro Ivanov nel suo 70° compleanno. Padova, 1992. P. 26–33; Casari R. I silenzi di Rogožin // *Europa Orientalis. 1993. Vol. XII, N 1: Studi in onore di Anjuta Maver Lo Gatto. P. 79–85; и др.**

⁶⁹ *Piretto G.-P. Da Pietroburgo a Mosca: Le due capitali in Dostoevskij, Belyj e Bulgakov. Milano, 1990; Piretto G.-P. Gli «uomini della folla» di Dostoevskij. Senza dimenticare Poe o Hoffmann // Europa Orientalis. 1993. Vol. XII, N 2. P. 91–122; Piretto G.-P. Fessure, fenditure, voragini: le finestre di Dostoevskij // Europa Orientalis. 1996. Vol. XV, N 1. P. 77–101.*

⁷⁰ Академия «Линччей» незадолго до этого организовала итало-советскую конференцию о русском романе (в том числе о Достоевском): *Il romanzo russo nel secolo XIX e la sua influenza nelle letterature dell'Europa occidentale.*

⁷¹ Материалы конференции опубликованы под названиями: *Dostoevskij e la sua opera: convegno italo-sovietico. Atti Convegni Lincei. Roma, 1985. Vol. 69.; Problemi attuali di critica dostoevskiana (среди участников — Баццарелли, Каухчишвили, Ж. Нива, Дж. Спендель, Ф. Мальковати, Т. Николеску); Dostoevskij e la crisi dell'uomo (среди иностранных*

в 1984 г. конференция, организованная католическими организациями, также подтвердила актуальность творчества Достоевского⁷². Благодаря международному престижу и связям некоторых итальянских русистов, таких как Грачиотти, Каухчишвили, Э. Баццарелли (E. Bazzarelli) и Страда, все перечисленные конференции отличались высоким уровнем выступлений и большим международным значением.

Италия в годы горбачевской «перестройки» становится связующим узлом между Западом и Востоком, сближает советских и американских ученых, французскую семиотику и Тартускую школу. Бахтиниана и семиотические исследования бурно развиваются, а с открытием границ СССР итальянские университеты все чаще приглашают знаменитых советских филологов и литературоведов на лекции и семинары, а нередко и предлагают им должности доцентов. Итальянская русистика, а в частности «достоевистика», вышла из культурных пределов страны и сильно обогатилась научными контактами. Одним из первых итальянских специалистов по творчеству Достоевского, привлечших к себе внимание на международном уровне, стал И. Верч, автор монографического анализа об употреблении знаменитого наречия «вдруг» в творчестве Достоевского⁷³. Верч поставил перед собой задачу: отталкиваясь от предыдущих интерпретаций этого слова в произведениях Достоевского, доказать, что у писателя «вдруг» — это самое прямое выражение манеры отражать «некоторую особенность „слова нарратора“, а не слова персонажа»⁷⁴. Все чаще итальянские русисты публикуют свои статьи, а иногда и книги за пределами Италии, увеличивая их доступность читателю за счет использования русского или, реже, английского языка. Так, например, монография С. Сальвестрони (S. Salvestroni) о библейских источниках произведений Достоевского, переизданная в русском переводе, получила множество откликов⁷⁵. Также упомянем статью на русском языке Р. Джаквинты (R. Giaquinto) о «Записках из подполья», и статьи о «Хозяйке», опубликованные в России автором настоящего очерка С. Алоэ, помимо этого организовавшим вместе с М. Бёмиг (M. Böhmig) XIII симпозиум Международного общества Достоевского, состоявшийся в Неаполе в 2010 г.⁷⁶

участников — Р. Лахман, Е. Эткинд, И. Серман, Г.С. Померанц, Нива, Ж. Бонамур, Ж. Каттё, Ч. Милош, А. Пятигорский, Д. Фангер, Р.Л. Джексон и др.; среди итальянцев — П. Читати, Э. Параторе, С. Пероза, Де Микелис, И. Манчини и др.).

⁷² См.: *Vaghin E. et alii. Fedor Dostoevskij: Il mistero dell'uomo*. Assisi, 1985.

⁷³ *Verč I. Vdrug. L'improvviso in Dostoevskij*. Trieste, 1977.

⁷⁴ *Ibid.* P. 42–43.

⁷⁵ *Salvestroni S. Dostoevskij e la Bibbia*. Magnano, 2000; в русском переводе: *Сальвестрони С. Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского*. СПб., 2001.

⁷⁶ *Джаквинта Р. У нас мечтатели и подлецы. О «Записках из подполья»* Ф. М. Достоевского // *Русская литература*. 2002. №3. С. 3–18; *Алоэ С. «Татарский мотив» в повести «Хозяйка»* // *Поэтика Достоевского. Статьи и заметки*. Rīga, 2007. С. 14–21; *Алоэ С. Внутреннее пространство Ордынова (из наблюдений над повестью «Хозяйка») // Достоевский и мировая культура*. 2007. №23. С. 9–15.

Список работ о Достоевском, вышедших в Италии в течение последних двадцати лет, будет неполным без обзора творчества писателя, который тщательно составил Ф. Мальковати (F. Malcovati); без сделанного Ч. Дж. Де Микелисом (C. G. De Michelis) анализа фигуры дьявола в романах Достоевского. Упомянем монографию Дж. Джиганте (G. Gigante), посвященную снам в произведениях писателя; работы Д. Гини (G. Ghini) о фигуре Иова в романе «Братья Карамазовы» и о различных культурологических аспектах творчества Достоевского; монографию М. Де Микиэль (M. De Michiel), посвященную анализу первого издания книги Бахтина «Поэтика Достоевского»; книгу К. Оливьери (C. Olivieri) «Достоевский. Глаз и знак», оригинальное эссе об отношениях писателя с фигуративным искусством (Достоевский как предмет и как субъект искусства, искусство как субъект в произведениях писателя)⁷⁷. Еще напомним о специфической странице истории семьи Достоевских, связанной с Италией: о пребывании в Мерано и Больцано дочери писателя, Любви, которая в Больцано и похоронена⁷⁸.

Наконец, достойно внимания и то, что творчество Достоевского продолжает вызывать огромный творческий и исследовательский интерес и вне рамок русистики, о чем свидетельствуют недавние монографии, написанные театроведами, педагогами, социологами, эпистемологами, журналистами⁷⁹ и даже авторитетным судьей Г. Коломбо (G. Colombo), который недавно предложил специфическое прочтение поэмы «Великий инквизитор», переключив ее на нашу современность: «В мире глобализации <...> , в котором Государство больше не является единственным обладателем власти, а граждане, кажется, постепенно превращаются просто в потребителей, Великий инквизитор скрывается за безликим понятием рынка»⁸⁰. Пример ярок. В подобном разнообразии подходов актуальность Достоевского для сегодняшней Италии ясна до очевидности.

⁷⁷ *Malcovati F.* Introduzione a Dostoevskij. Bari, 1992; *De Michelis C. G.* Il diavolo di Dostoevskij // Il diavolo e l'Occidente. Brescia, 2005. P. 117–130; *Gigante G.* Dostoevskij onirico. Napoli, 2001; *Ghini G.* Il simbolo «Giobbe» ne «I fratelli Karamazov» di F. M. Dostoevskij: tra connotazione ed ermeneutica // *Lingua e stile.* 1987. Vol. XXII, N 1. P. 91–118; *Ghini G.* Figura ed immagine ne «I fratelli Karamazov» // *Intersezioni.* 1988. Vol. VIII, N 3. P. 511–541; *Ghini G.* Dostoevskij a Bologna: le ragioni di un silenzio // *L'Est europeo e l'Italia.* Immagini e rapporti culturali. Genève, 1995. P. 339–348; *Ghini G.* La Scrittura e la steppa. Eseggesi figurale e cultura russa. Urbino, 1999; *Ghini G.* Un inedito di Diego Fabbri da un romanzo umoristico di Dostoevskij // *Rivista di letteratura italiana.* 2010. Vol. XXVIII, N 1. P. 137–164; *De Michiel M.* Il non-alibi del leggere: «Michail M. Bachtin *Problemi dell'opera di Dostoevskij*». Trieste, 2001; *Olivieri C.* Dostoevskij l'occhio e il segno. Catanzaro, 2003.

⁷⁸ См.: Любовь Достоевская: С.-Петербург — Больцано / Под ред. Б. Марабини-Цеггелер, М. Талалай. Firenze, 1999.

⁷⁹ *Marchetti M.* Camus e Dostoevskij: il romanzo sulla scena. Roma, 2007; *Molinari R.* Viaggio nel teatro di Thierry Salmon: attraverso «I demoni» di Fedor Dostoevskij. Milano, 2008; *Peretti M.* Il dramma dell'uomo e l'educazione: riflessioni pedagogiche sul pensiero di Dostoevskij. Brescia, 1984; *Cassano F.* L'umiltà del male. Bari, 2011; *Tagliagambe S.* Il sogno di Dostoevskij. Come la mente emerge dal cervello. Milano, 2002; *Scalfari E.* Per l'alto mare aperto. Torino, 2010.

⁸⁰ *Colombo G.* Il peso della libertà // *Il Grande Inquisitore.* Milano, 2010.